

Аже бы ти годънъ: сослагательное наклонение глагола *быти* в древнерусских текстах

М. Н. Шевелёва

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

В ранних древнерусских текстах известны простые формы сослагательного наклонения глагола *быти*: аорист этого глагола *бы* (но не *бысть*!), *быша* и под. в роли сослагательного наклонения. На эти формы обращали внимание А. И. Соболевский [1907/2004: 245] и А. А. Зализняк [2004: 143], вопрос о них обсуждает А. А. Пичхадзе в работе о средствах выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских памятниках [Пичхадзе 2010: 21–22]: здесь говорится о древности таких образований (как и в [Зализняк 2004: 143]) и рассматривается судьба и специфика семантики превратившегося из простого сослагательного наклонения в частицу *бы* в составе разных конструкций в старорусскую эпоху.

Однако такой взгляд на древнерусские формы сослагательного наклонения глагола *быти* без *-л*-причастия остается не самым распространенным; не вполне согласуется с ним и гипотеза Д. В. Сичинавы о происхождении сослагательного наклонения типа *бы* + *-л* из плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола [Сичинава 2004; 2013: 170–186; 2021], по сути своей ставящая под сомнение предположение о первичности употребления простого *бы* в оптативном значении. Для решения вопроса о грамматическом статусе древнерусских форм аориста глагола *быти* в значении сослагательного наклонения полезно еще раз обратиться к материалу ранних древнерусских текстов, тем более что за прошедшие годы число показательных в интересующем нас аспекте примеров увеличилось.

1. Данные берестяных грамот

Вынесенный в заглавие этой статьи контекст из берестяной грамоты № 752 XII в. — яркий пример употребления простого *бы* в условном

значении ‘было бы’, до недавнего времени в берестяных грамотах единичный:

аже бы ти годьнѣ то [из] оцью бы сѧ вытьрьго притькль ‘Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался’ (№ 752, нач. XII в. [Зализняк 2004: 249–250]).

Характеризуя образование сослагательного наклонения в материале берестяных грамот (-л-причастие + аорист глагола *быти*), А. А. Зализняк особо отмечает этот случай как имеющийся «единичный пример древнейшей конструкции — с простым *бы* вместо *бы было* (или *бы былъ*): *аже бы ти годьнѣ 752*» [Там же: 143].

В позднее найденной берестяной грамоте № 1045 сер. XII в. обнаружился еще один пример аориста глагола *быти* (без -л-формы) в значении сослагательного наклонения, при этом особенно показательный тем, что в нем представлена не форма *бы* (2-го или 3-го л. ед. ч., впоследствии превратившаяся в частицу), а форма 1-го л. дв. ч. аориста от *быти* — <*быховѣ*>:

ѧже быховѣ дома: нѣ распѣтѣ ‘Мы (двое) уже были бы дома, да распутица!’ (№ 1045, втор. четв. — сер. XII в. [НГБ XII: 142–143]).

В высшей степени показательно здесь и то, что форма *быховѣ* употреблена не в роли связки при именном сказуемом (как *бы* в примере из грамоты № 752 и в большинстве прочих примеров из ранних летописей и других источников — см. ниже), а в функции полнозначного бытийного глагола со значением ‘быть, находиться’.

По поводу этого примера А. А. Зализняк отмечает: «В *быховѣ* <*ѣ*> дома ‘мы двое были бы дома’ словоформа *быховѣ* в соответствии с древнейшим синтаксисом сама по себе имела значение ‘мы двое были бы’ (тогда как в более позднее время требовалось уже словосочетание *быховѣ была*)» [Там же: 143]. Аорист глагола *быти* в этом контексте, как и в примере из грамоты № 752, имеет условное значение — в данном случае это ирреальное условие «невыполнимой возможности», обозначающее уже не реализовавшуюся и потенциально нереализуемую ситуацию [Храковский 1998: 34; Князев 2007: 146–148, 120–121 и др.].

Этот замечательный пример из берестяной грамоты № 1045 бесспорно говорит в пользу употребления форм аориста глагола *быти* в раннедревнерусский период в значении сослагательного наклонения, причем не только в функции связки при именном сказуемом, но и как самостоятельного полнозначного глагола — перед нами вполне надежное свидетельство существования в древнерусском языке простой формы сослагательного наклонения глагола *быти*, в роли которой выступает аорист этого глагола.

Обратим особое внимание на то, что речь сейчас идет о данных некнижных текстов, — есть все основания предполагать, что такое употребление было известно живому древнерусскому языку.

Помимо приведенных примеров, в материале берестяных грамот есть еще контекст с формой аориста глагола *быти* в значении сослагательного ‘бы’ — в грамоте № 809 сер. XII в. в сочетании *оконо бышь* ‘как будто бы’:

пѣвели нѣкъмоу ѿ оуцина[тъ].../ жемещюженѣ окънѣ выше стрѣ[лъкы]...
‘прикажи кому-нибудь, чтобы сделали... (какие-то украшения) жемчужные
наподобие стрелок’ (№ 809, 60–70-е гг. XII в. [Зализняк 2004: 371]).

Словоформа <бышь> здесь является аористом 3-го л. мн. ч. *быша* с утраченным конечным гласным (см. [Зализняк 2004: 372], там же указание аналогичных форм аориста *бышь* с утратой конечного безударного гласного из других древнерусских памятников); слово <оконо> (союз *око* + частица *но/нѣ*) имеет модальное значение ‘как будто’ [Там же] (см. также [Зализняк 2004а: 193–195], где специально обсуждается структура и семантика этого слова в грамоте № 809 в связи с проблемой трактовки сложного места в «Слове о полку Игореве»). Как отмечает А. А. Зализняк, «<в> грамоте № 809 модальное значение слова <оконо> ‘как будто’ усилено словом <бышь> (из *быша*) — совершенно так же, как в современном *как будто бы*: <оконо> *быш*<ь> *стрѣ* лъкы — ‘как будто бы стрелки’, ‘наподобие стрелок’» [Зализняк 2004а: 195]. В составе модального сочетания *оконо быше* функция аориста глагола *быти* приближается к служебной, однако изначальное его значение как сослагательного наклонения бытийного глагола вполне очевидно, что подтверждается и согласованием этой формы по множественному числу с именной группой — буквально ‘как будто были бы стрелки’. Такое модальное сочетание *быша* с комплексом *оконо* могло сложиться только на базе употребления простых форм аориста глагола *быти* в роли сослагательного наклонения, рассмотренного выше в примерах из грамот № 752 и 1045; наличие в грамоте № 809 согласованной формы 3-го л. мн. ч. еще раз подтверждает возможность употребления в качестве сослагательного наклонения всех лично-числовых форм аориста глагола *быти*. Семантически такое *бышь* ‘бы’ при *оконо* ‘как будто’ представляет развитие того же условного значения (‘как будто бы были стрелки’ = ‘как если бы были стрелки’).

Заметим, что грамота № 809 не содержит черт книжности — и снова перед нами изменяемая форма аориста глагола *быти* в значении сослагательного наклонения, свидетельствующая о принадлежности такого употребления живому языку. Обратим внимание на архаичный глагол *крити* ‘купить’ в этом тексте — ср. далее на внешней стороне бересты (в приписке):

а полостецю крени черъноу а к[роу].../ошее же ‘Да купи черную полстку (т. е. коврик, кошму), да кру[жевами]...обшей’ [Зализняк 2004: 371], — об этом глаголе, представляющем собой древнейший термин торговых отношений и.-е. происхождения и фиксирующемся исключительно в ранних берестяных грамотах (см. [Зализняк 1986: 174–175; 2004: 221]). Употребление этого архаизма в грамоте вполне согласуется и с использованием здесь формы аориста 3-го л. мн. ч. в значении сослагательного наклонения — и то и другое архаизмы, известные только ранним грамотам, при этом свойственные, по всей видимости, живому древнерусскому языку.

Подчеркнем, что все эти примеры простого сослагательного наклонения глагола *быти* принадлежат ранним берестяным грамотам — в поздних грамотах таких случаев не встретилось, зато встретился пример сложной формы типа *бы былъ* в грамоте № 1132 в оптативном значении в составе придаточного предложения, причем *бы* при изъяснительном союзе *что*, т. е. фактически уже в составе союза *чтобы*. Явно это уже более поздний тип употребления:

что бы еси господи(не).../ аниась ци пондѣть рать за волокъ что бы вѣ{е} стка была напс(ана бл) / үстисе ль на^{мъ} рати ци не блүстисъ ‘И ты бы, господин, позаботился о том, чтобы было письменное известие, пойдет ли рать за волок, — [чтобы мы знали], остерегаться нам рати или не остерегаться’ (№ 1132, сер. — втор. пол. XIV в. [Гиппиус 2021: 84–85]).

Ранним берестяным грамотам известно также простое *бы* в оптативном значении в конструкции с независимым инфинитивом — тот же аорист глагола *быти* в роли сослагательного наклонения (см. [Пичхадзе 2010: 21–22]) — такие конструкции рассматриваются ниже особо.

2. Данные летописей и других раннедревнерусских памятников

Употребление аориста глагола *быти* в значении сослагательного наклонения встречается и в раннедревнерусских летописях. Известный пример из Повести временных лет (далее — ПВЛ) приводили еще А. А. Потебня и А. И. Соболевский (правда, с разными трактовками):

Аще бо бы перевозникъ Кин, то не бы ходилъ Царюгороду (ПВЛ, Введ., Лавр., л. 4 = Х., но *быль* Ипат., л. 4; ср. Т. *бы былъ*).

Соболевский видел здесь простую форму сослагательного наклонения *бы* без -л-причастия в значении ‘был бы’, аналогичную еще одному указанному им подобному примеру из приписки в Прологе Син. № 239 XIV в. *оже бы ми баба жива* [Соболевский 1907/2004: 245]. Потебня же трактовал такое

употребление как результат опущения причастия *быль*, т. е. как форму вторичную по отношению к *бы* *быль* [Потебня 1888: 269]. Обратим внимание при этом на то, что чтение с простой формой аориста *бы* в условном значении сохраняется в древнейших списках 1-й редакции ПВЛ (Р.А.) и в Хлебниковском списке 2-й редакции, тогда как в Ипат.списке читается просто -л-форма — скорее всего, подновление позднего переписчика. В пользу первичности чтения *бы* свидетельствует и разночтение списка Т. (Троицкого, сохранившегося в выписках Карамзина) первой редакции с «полной» формой *бы* *быль*, отличное от остальных списков первоначальной редакции ПВЛ: при таком соотношении вариантов наиболее вероятно, что первоначальному тексту XII в. принадлежит именно чтение с простой формой *бы* в значении сослагательного наклонения (ирреального условия).

Таков же еще один пример ПВЛ из рассказа о «выборе веры», приведенный в [Пичхадзе 2010: 21]:

Аще бы лихъ законъ гречьскѣи. то не бы баба твоя приала (ПВЛ, 987 г., Лавр., л. 37 об. = Ипат., л. 41 об.) — в этом случае чтение с простой формой *бы* в значении условного наклонения читается во всех старейших списках обеих редакций ПВЛ — его принадлежность первоначальному тексту несомненна.

В пользу архаичности форм аориста со значением сослагательного наклонения говорят данные и других раннедревнерусских летописей, прежде всего Киевской летописи (КЛ).

В Киевской летописи встретилось три случая простого сослагательного наклонения глагола *быти* (помимо конструкций *бы* с инфинитивом, см. об этом ниже), при этом известны и сложные формы типа *бы* *быль*.

Примеры аориста глагола *быти* в значении сослагательного наклонения фиксируются в Киевской летописи в записях 1140 г., 1147 г. и 1159 г.:

аже бы лихъ хотѣлъ то что бы ми годно то же бы створилъ (КЛ, 1140 г., 113в) ‘Если бы (я) зла хотел, то что мне было бы угодно, то я бы и сделал’ — ср. сходное употребление простого *бы* в сочетании с *годно* в берестяной грамоте № 752 (см. выше);

жаль бо нѣсть брѣ^т нашего держиши. игорѣ а внѣ оуже чернецъ и скимникъ. а поустѣ брата нашего <...> тобѣ бы братѣ любо ли. а бѣхомъ мѣ^т брѣ^т твоего держали (КЛ, 1147 г., 127б) ‘Тебе бы понравилось ли, если бы мы брата твоего держали?’ — как и в предыдущем примере, *бы* ‘было бы’ в роли связки при именном сказуемом имеет условное значение.

Третий пример представляет более сложную структуру предиката, включающую и именную часть сказуемого, и инфинитив (*добро бы ти...не*

починати), — строго говоря, его можно обсуждать и в связи с инфинитивными конструкциями с *бы*, но приведем его здесь:

братѣ. кому ꙗщеши волости. братѹ ли или сѣни а добро ти бѹ ради (Х.П. рати) не починавши преди (КЛ, 1159 г., 178г) ‘а хорошо бы тебе было первым войны не начинать’ (совет Святослава, обращенный к брату Изяславу, которого впоследствии Изяслав не послушался: изяславъ же не послуша брата. иде ис киева 179а) — оптативное значение, характерное для инфинитивных конструкций с простым *бы* (см. ниже).

Все эти контексты с простыми формами сослагательного наклонения глагола *быти* не имеют параллельных чтений в Суздальской летописи (СЛ).

В Киевской летописи встречаются и сложные формы сослагательного наклонения глагола *быти*, состоящие из аориста и -л-причастия этого глагола. Их больше, чем простых форм (7 случаев), но обращает на себя внимание то, что в большинстве таких примеров *бы* следует за союзом, образуя с ним единый комплекс, тяготеющий к превращению в сложный союз. Чаще всего это сочетание *а + бы*, фактически уже сросшееся в одну единицу (см. [Зализняк 2008: 73–74])¹, ср.:

изяславъ же рече к братоу своему ростиславоу. аче та к нама не шла якоже рекша но а бѹ с нама бѣ бѹлѣ. и ѿтолѣ поустыста новгородци и роусы воевать къ гарославу (КЛ, 1148 г., 135в) ‘Если они (двое) к нам не пошли, как обещали, то да будет с нами бог (букв.: чтобы с нами бог был)’;

ср. аналогичный пример:

ты еси оуже хрѣтѣное челоуанне перестѹпилѣ. а ꙗ есмь бес тебе и на волгѹ ходи//лѣ а цѣ что ми бѹло. а ннѣ а бѹ со мною бѣ бѹлѣ. и хрѣтѣната сила (КЛ, 1149 г., 137а–137б) — по-видимому, такой оптативный контекст взывания к помощи божьей *а бы со мною (с нами и под.) богъ былъ* становится формульным.

Ср. также в оптативном значении не в формуле:

послемся к васильеви попови. на цѣковницю. а бѹ бѹлѣ намъ игоуменѣ. и оуправитель стадоу черноризницъ фѣдосьева монастыря печерского

¹ Как отмечает А. А. Зализняк, для ряда проклитико-энклитических комплексов трудно провести границу между полным сращением и продвижением в этом направлении; однако в части случаев трактовать такие единицы как полное сращение, достигнутое уже в древнерусский период, наиболее вероятно — сюда относится и сочетание *абы* (= *а бы*), а также сочетание *а* с другими лично-числовыми формами аориста глагола *быти* (*абыхъ* и т. д.) [Зализняк 2008: 73–74].

(КЛ, 1182 г., 220а) ‘Пошлѣм (обратимся) к попу Василию на Щековицу [с просьбой], чтобы он был нам игуменом и управителем стаду черноризцев Феодосьева Печерского монастыря’.

Встречается и употребление аориста 1-го л. мн. ч. *быхомъ* в сходном сочетании с предшествующим союзом *а* в том же оптативном значении — такова в приведенном ниже контексте первая форма сослагательного наклонения *быхомъ былѣ*, в то время как вторая употреблена не после союза — это единственный в материале Киевской летописи не связанный с предшествующим союзом случай употребления сложной формы сослагательного наклонения глагола *быти*, ср.:

мы быхомъ тобѣ радѣ помогѣ. но швидить насъ. стрѣи свои межка ницѣть под нами волости а переже шправи насъ. а быхомъ былѣ вси лаховѣ не раздно. но за шдинемъ быхомъ щитомъ былѣ с тобою и мстили быхомъ швиды твоѣ (КЛ, 1195 г., 237а) ‘Мы бы с радостью тебе помогли, но обижают нас наш стрый Межка..., и сначала защити нас, чтобы были все ляхи не раздельно, а за одним щитом (вместе) с тобой были бы и мстили бы твои обиды’ — вторая форма, очевидно, поддержана однородной с ней первой, следующей после союза *а*, который синтаксически соотносится и со второй формой.

Обратим внимание, что приведенный контекст с изменяемой формой аориста в составе сослагательного наклонения глагола *быти* принадлежит наиболее поздней записи Киевской летописи из содержащих интересующие нас формы.

Помимо сочетаний с *а*, в Киевской летописи есть примеры следования сложного сослагательного наклонения глагола *быти* после союза *да* и после комплекса *даже* (*да + же*) ‘если’, синонимичного *аже*. В случае с *да* перед нами, как и в предыдущем примере, вспомогательный глагол не в 3-м л. ед. ч., а во мн. ч., свидетельствующем о сохранении аористом глагола *быти* в роли сослагательного наклонения парадигмы словоизменения:

шрославѣ во башѣ подѣмолвилъ кнѣзѣ рѣскиѣ. и корола и ладѣскиа кнѣзѣ да быша ему были помочьници. на ивана (КЛ, 1159 г., 178а) ‘чтобы были ему помощниками’ — как и в предыдущих примерах с *а*, оптативное значение.

В случае с комплексом *даже*, к которому присоединяется *бы*, сложная форма сослагательного наклонения имеет условное значение, выступая в составе условного придаточного:

мы пошли до киева. даже бы была рать. билисѣ бых^м. намъ ли нноѣ рати искати // то не можемъ. оуже сѣ есмъ изнемогѣ (КЛ, 1185 г., 225г–226а)

‘если бы было сражение, мы бы бились, (но) нам ли другого (нового) сражения искать?’.

Как мы видим, все случаи сложных форм сослагательного наклонения глагола *быти* в Киевской летописи оказываются в составе зависимых предложений, при этом практически во всех (за исключением одного случая с однородными формами) аорист глагола *быти* следует за союзом (*а, да*, а также сложным *даже*), обнаруживая тенденцию к слиянию с ним в одно слово или в устойчивый комплекс. Складывается впечатление, что именно такое употребление и тенденция к сращению *бы* (*быхомъ, быша* и др.) с предшествующим союзом были благоприятным фактором, способствовавшим использованию сложной формы сослагательного наклонения глагола *быти*: аорист, срастаясь с союзом в единый комплекс, утрачивал свою синтаксическую и семантическую самостоятельность — требовалось введение формы на *-л-* для полноценного оформления сослагательного наклонения глагола *быти* по модели соответствующих форм прочих глаголов. Напомним, что к этому же типу относится и засвидетельствованный в позднерусской берестяной грамоте пример сослагательного наклонения *бы* + *-л-* (*что бы ...была* № 1132, XIV в. — см. выше, раздел 1).

В Суздальской летописи XII–XIII вв. встречается и простая, и сложные формы сослагательного наклонения глагола *быти*. По данным курсовой работы моей студентки У. С. Зайцевой, простая форма *бы* в значении ирреального условия фиксируется в записи 1149 г.:

Изъяславъ слышавъ пришедшаго Гюрга и рече ѿже бы пришесть сѧ толико
з дѣтми. то котораѧ бы кмѹ волость люба тѹ же бы възѧ. но же на ма
привелъ Половци и ворогы моѣ Ольговичѣ. то хощю сѧ бити (СЛ, 1149 г.,
107) ‘Если бы он пришел только сам с детьми, то которая волость ему была
бы люба (какую бы захотел), ту бы взял, но (так как) он привел на меня по-
ловцев и врагов моих Ольговичей...’.

Заметим, что данная запись принадлежит общему тексту Киевской и Суздальской летописей [Юрьева 2022: 88], при этом в Киевской летописи по Ипат.списку данная клауза читается вообще без глагола: *ѿже бы пришесть толико съ дѣтми то котораѧ емѹ волость люба. тѹ же бы възѧ* (КЛ, 1149 г., 137г), однако в Х.П. списках, как и в СЛ, представлено чтение с *бы* — явно оно первично.

В примерах сложной формы сослагательного наклонения глагола *быти* в Суздальской летописи *бы* следует после начинающих клаузу союзов *аще* (условный контекст) и *да* (оптативный контекст), подтверждая высказанное

выше предположение о позиции после союза как благоприятном условии для появления сложной формы *бы* + *-л-*, ср.:

Но аще бы тако было то велѣли ли имъ преднии князи крѣтъ преступити (СЛ, 1169 г., 122) ‘если бы (это) было так, то велели ли им прежнии князья...’, ирреальное условие;

ср. в поздней записи в специфически книжном контексте:

Искони злыи врагъ дьяволъ ненавиди всегда добра роду члвчю паче же хрыаномъ. не хотѣ да бы не ѡдинъ в вѣчнѣи мѣстѣ былъ ꙗже ѿготована кѣмъ и сущимъ с нимъ (СЛ, 1217 г., 150) — примеры из работы [Зайцева 2025].

Как мы видим, условия употребления в ранних летописях (Киевской и Суздальской) сложной формы сослагательного наклонения глагола *быти* оказываются сходными. В обеих летописях встречается и простая форма, использование которой фиксируется в более разнообразных контекстах (см. выше) и такими синтаксическими условиями не ограничивается²; в менее книжной Киевской летописи примеров ее употребления несколько больше. При этом единственный пример простой формы Суздальской летописи отсутствует в Ипат.списке Киевской, но совпадает с чтением Суздальской в Х.П. списках, что свидетельствует в пользу его принадлежности первоначальному тексту летописи.

Учитывая данные берестяных грамот и ранних древнерусских летописей, есть все основания предполагать, что простая форма сослагательного наклонения глагола *быти* в раннедревнерусскую эпоху принадлежала некнижному языку — она отнюдь не отличалась книжностью.

Простое сослагательное наклонение глагола *быти* встречается и в других раннедревнерусских памятниках, оригинальных и переводных: в [Пичхадзе 2010: 21–22] приведены примеры из «Вопрошания Кирика», «Пчелы», «Жития Андрея Юродивого» (ЖАЮ). Интересно, что эти формы, как правило, сосуществуют со сложными типа *бы* + *-л-*: так, в «Житии Андрея Юродивого»

² Интересно, что, по данным А. Вайана, в старославянских памятниках простые формы сослагательного наклонения без *-л-*-причастия (типа *бимъ*, *би*) фиксируются, помимо конструкций с независимым инфинитивом (см. ниже), как раз после союзов *аште* и *да*: **аште во и би к`то... оуча** Супр.403, **аще не би ти дано** Ио. XIX, 11; **да не прѣданъ бимъ** Ио.XVIII, 36 [Вайан 1952: 282] — в древнерусских текстах, как мы видим, условия употребления простой формы сослагательного наклонения глагола *быти* более свободны, хотя в подобных контекстах после союзов она тоже возможна (см. выше примеры).

число изолированных употреблений *бы* (*быша*) в роли сослагательного наклонения чуть меньше числа стандартных форм, включающих -л-причастие (по данным дипломной работы [Легоцкая 2004], в соотношении 7 : 11); ср. примеры с простой формой:

а плодѣ чѣтнѣ и славенѣ и многоѣ велими. нѣ же зѣмныхѣ ни кѣдино кѣже бы сѧ приаадно к тѣмѣ (ЖАЮ, Тип.11г [Молдован 2000: 199]) ‘нет же среди земных ни одного, который был бы сравним с теми’;

и аще бы по мнѣ. не гнѣвалсѧ быхѣ ни на кожеже. ни наклеветалѣ. ни иного зла творилѣ. нѣ // хотѣ и не хотѣ творю другок ѿ дѣмона а другок ѿ зла творилѣ обычаа (ЖАЮ, Тип.37б [Там же: 308]) ‘если бы было по моему (= как я хотел), то не гневался бы я ни на кого, не клеветал, не творил иного зла...’;

явѣ же кѣтъ. іако слово бѣе сдержитѣ вѣкы. аще бо то не бы положенѣ основа. нигдѣ быша имѣли оустава създання всѧ (ЖАЮ, Тип.57в [Там же: 375]) ‘если бы не был положен основой, нигде не имели бы устава создания ...’ и др.;

а также с простой формой *быша* ‘были бы’:

блжнныи же ондрѣи видивѣ сожали си велими. прослезисѧ бѧ молаше и за нѧ да быша нхѣ не всадили в темницу нѣ молебамы близокѣ своихѣ пущени быша (ЖАЮ, Тип.8б [Там же: 179]) ‘молил Бога за них, чтобы их не всадили в темницу, но молебамы родственников своих они были бы отпущены’ (примеры из работы [Легоцкая 2004]).

Интересен пример, в котором простая и сложная формы сослагательного наклонения глагола *быти* сосуществуют в пределах одного контекста — в апокалиптическом пророчестве Андрея:

В ты бо дни аще бы азѣ. гнѣ. а бы не было крѣстьяна. нѣ вѣдѣ іако бѣдетѣ (ЖАЮ, Тип.66б [Молдован 2000: 418]) ‘Ибо в те дни, если бы было можно, Господи, чтобы не было христианина (= христиан), но знаю, что будет’ — сложная форма при этом выступает в характерной для нее позиции после союза а, где а + *бы* срastaются в единый сложный союз (см. выше).

Однако в «Житии Андрея Юродивого» тенденция к употреблению сложной формы после начального союза прослеживается не так отчетливо, как в летописях (Киевской и Суздальской), — здесь встречаются и такие, и иные случаи употребления форм *бы* (*быша*) + -л-, ср. в позиции после союза:

да аще бы ти дрѣгѣ былѣ. все ти бы свое исповѣдалѣ (ЖАЮ, Сол.10 об. [Молдован 2000: 187]);

да свереть ꙗ бѣ въ градѣ ерлмѣскы и сѣцаѧ тѣхъ вдасть имъ. да бы имъ не было вины расточениѧ дѣла и погыбели (ЖАЮ, Тип.65в [Там же: 416]);
но быхъ хотѣлъ. да быша были слезы нѣкому хрестыану. и потопилъ бы своихъ грѣховъ множество (ЖАЮ, Тип.29а [Там же: 283]);

ср. в позиции не после союза:

ѣпифанъ рече. благѣ бы было. да бы поколѣбала. а не въсыхнула (ЖАЮ, Тип.36б [Там же: 306]);

да понѣ ꙗко и ты члвкъ кси. да стыдитисѧ бы было тобѣ видити женьскоѧ тѣло обнажено (ЖАЮ, Тип.30а [Там же: 286]) — выборка материала по работе [Легоцкая 2004].

Возможно, отмеченная тенденция к употреблению сложной формы типа *бы* + *-л-* в позиции после начинающего клаузу союза, связанная со слиянием *бы* с предшествующим союзом в единый комплекс, характерна прежде всего для оригинальных древнерусских памятников (впрочем, этот вопрос еще нуждается в более детальном исследовании).

Язык «Жития Андрея Юродивого» тем не менее содержит немало не-книжных русизмов, отличающих его от стандартной церковнославянской нормы агиографических текстов, в том числе и в системе глагола (см. [Молдован 1996; Пичхадзе 2011: 328–329, 335–347] и др.)³, и достаточно широкое использование простых форм сослагательного наклонения глагола *быти* — по всей видимости, архаичной черты живого языка, сближающей «Житие Андрея Юродивого» с языком ранних летописей, — вполне этой общей картине соответствует.

3. Конструкция *бы* + инфинитив

Простая форма сослагательного наклонения представлена и в составе конструкций с независимым инфинитивом — впоследствии она превращается

³ «Житие Андрея Юродивого» отличается от стандартных агиографических текстов исключительно высокой частотностью перфекта, причем встречается и довольно значительное для памятника такого жанра число форм перфекта без связки (30 случаев) ([Пичхадзе 2011: 328–329]; см. также [Шевелева 2001]); широко представлены здесь и формы сослагательного наклонения в косвенно-побудительных и целевых придаточных, преобладающие в соответствующих контекстах над характерными для стандартных церковнославянских текстов конструкциями *да* + индикатив [Молдован 1996: 261–270; Пичхадзе 2011: 335]; употребительны в ЖАЮ описательные сочетания *начати/почати* + инфинитив — в презенсе (со значением будущего) и в прошедшем времени, характерные для древнерусских летописей [Пичхадзе 2011: 341–347], — все это, как и ряд других грамматических особенностей, сближает язык перевода ЖАЮ с ранним древнерусским летописанием (см. об этом [Там же]).

в частицу *бы*, однако в древнерусскую эпоху это еще форма 3-го л. условного наклонения глагола *быти* [Пичхадзе 2010: 21], аналогичная рассмотренным выше примерам употребления *бы*, *быхомъ* и под. вне инфинитивных сочетаний.

Инфинитивные конструкции с *бы* в древнерусских текстах достаточно частотны — таких примеров существенно больше, чем изолированного *бы* вне этих сочетаний, причем встречаются они в памятниках разной степени книжности; характерны подобные конструкции и для старославянских текстов — по данным А. Вайана, это наиболее типичный случай употребления сослагательного *би/бы* без перфектного причастия, ср.: **би оубо боати сѧ** Супр.149, **колико паче би оужасати сѧ намъ** Супр.149, **цѣсарьствик... кгоже бы вьсѣмъ намъ не погрѣшити** Супр.508, **да бы... изьбыти кмоу зъла** Супр.361 и др. [Вайан 1952: 282, 383–384]. Именно в связи с таким употреблением в составе инфинитивной конструкции А. Мейе обсуждает вопрос о семантике изолированного *би*, имеющего, видимо, значение «старого опатива», распространившейся вследствие аналогии на *бы*, *быхомъ* и под. [Мейе 1951: 214].

В Киевской летописи примеров конструкций «*бы* + независимый инфинитив (+ Д. п. субъекта)» довольно много (более 20 случаев), все они имеют модальное значение типа ‘следовало *бы* X-у сделать так-то’ с разной степенью категоричности указания / рекомендации / пожелания⁴, т. е. выражают опативную семантику. Синтаксические условия использования этой конструкции довольно разнообразны: чаще она выступает в придаточных предложениях, но возможна и в независимых клаузах; встречается как после союзов *а*, *да* и др., к которым непосредственно примыкает *бы*, сливаясь

⁴ Можно было бы предполагать, что инфинитивные конструкции с *бы* в независимом употреблении отличаются от соответствующих конструкций без *бы* меньшей категоричностью выражаемого долженствования-побуждения, смягчением его степени (ср. о семантике соответствующих современных русских конструкций, выражающих обычно значения желательности или деонтической необходимости ‘следует’ [Добрушина 2014]), однако для древних текстов это смягчение не очевидно — ср. также старорусские примеры в [Пичхадзе 2010: 22]: по мнению автора, *бы* в сочетании с инфинитивом «становится плеонастическим средством, усиливающим семантику долженствования» [Там же]. Судя по тому, что еще в текстах XVII — нач. XVIII в. так выражаются вполне четкие предписания в инструкциях [Там же], «смягчающая» функция *бы* была менее явной; то же, заметим, относится и к употреблению стандартных форм сослагательного наклонения, в древнерусскую и старорусскую эпоху возможных в контекстах достаточно категоричного побуждения (см., например, об этом, в том числе об инфинитиве с частицей *бы*, [Булаховский 1950: 288–289, 296] и др.), но это уже предмет для отдельного обсуждения.

с ними в единый комплекс, так и вне таких сочетаний. Ср. некоторые примеры из Киевской летописи:

рюрикъ же поча доумати с моужнѣ своимѣ како бѣ емоу дати вѣсть. всеволодоу которыѣже волости оу не просилъ (КЛ, 1195 г., 236а);

половци же вбравашасѣ емоу. и почаша с нимъ доумати. коуда бѣ имъ вѣгхати. в роускоую землю. онъ же поча ихъ водити подѣтъча на воевание. // како бѣ емоу мститисѣ сорома своего сѣтославоу (КЛ, 1190 г., 231г–232а) ‘Половцы... стали с ним обсуждать, где бы (в каком месте) им въехать в Русскую землю. Он же стал во главе их, побуждая воевать, чтобы ему отомстить свой позор Святославу’;

но ловимъ оу ни того. како бѣ ны взати бродъ заробѣскын. и перентн на ону сторону (КЛ, 1151 г., 154а);

в независимой клаузе:

се иноплеменици ѿшли ѿчиноу вашу. а лѣпо бѣ бѣ потрудитисѣ (КЛ, 1189 г., 230б) ‘а хорошо бы вам потрудиться (постараться отвоевать свою землю)’;

ср. в комплексе *a + бы*:

игорь же возворотн киевскыи полки. и пристави к нимъ волга сѣновца своего. сѣтослава. а бѣ како довести полкъ цѣлъ. а самъ ѣха поима со собою. брата своего всеволода (КЛ, 1183 г., 220в) ‘Игорь же развернул Киевские полки и приставил к ним Олега... (и) Святослава, чтобы довести войско (эти полки) целым, а сам поехал...’;

и се рѣкоша <...> а бѣ имъ како прогнати ѣ. и симъ емоу пригрозиша (КЛ, 1188 г., 229в) ‘это сказали..., чтобы как-то прогнать его, и этим ему пригрозили’.

В Суздальской летописи инфинитивная конструкция с *бы* в пяти случаях из шести употребляется после начального союза — *бы* в составе комплекса *a-бы*, *да-бы* (данные по работе [Зайцева 2025]), ср.:

В то лѣ. приходи еппѣ Черниговскын Перѣѣри. ко Всеволоду Гюргевичю Володимерю мира просѣ оу него. а бѣ оумирити его с Рязанци съ Глѣбовичи (СЛ, 1187 г., л. 137) ‘чтобы помирить его с рязанскими князьями Глебовичами’;

и оубоашасѣ Лахове и Оугри. рекоша ко Изяславу. не вси сѣ кмѣ совкупили нѣынѣ. а бѣ ны како створити миръ (СЛ, 1149 г., л. 107 об.) ‘не все мы сейчас соединились (собрались) — нам бы (надо) заключить мир’;

поиде к Чернигову. на Дѣдовича Изяслава. рекуще да бы ны оупередити до Гюргѧ. а любо и проженѣ. ^мли примирѣ ^мк собѣ (СЛ, 1154 г., л. 114 об.) ‘нам бы (надо) опередить (прийти раньше) Гюргия’ и др.

Единственный пример свободного употребления вне такого комплекса в независимом предложении является устойчивой молитвенной формулой, характерной для церковнославянских текстов, ср. в рассказе о взятии татарами Владимира и других городов Северо-Восточной Руси и гибели великого князя Гюргия:

и нача молитисѧ гл҃а. оувы мнѣ Ги луче бы ми оумрети нежели жити на свѣтѣ семь (СЛ, 1237 г., л. 162);

ср. аналогичный контекст в Сказании о Борисе и Глебе:

Оувы мнѣ оуне бы съ тобою оумрети ми неже оуѣдиненоу и оусиреноу ѿ тебе въ семь житии пожити (СкБГ, Усп.сб., л. 13в).

Как кажется, в менее книжной Киевской летописи инфинитивная конструкция с *бы* употребляется несколько свободнее.

В материале берестяных грамот известен пример конструкции «*бы* + инфинитив + Д. п. субъекта» — в грамоте № 955 сер. XII в. Конструкция здесь имеет оптативное значение рекомендации-указания, она представлена в независимом предложении:

коси вѣликее пѣхати въ еи за сновида ‘Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида’ (№ 955, сер. XII в. [НГБ XII: 55–59]).

Откровенно не книжный характер этого текста, связанного со свадебным ритуалом, не оставляет сомнений в принадлежности рассматриваемой инфинитивной конструкции с *бы* живому древнерусскому языку. Обращает на себя внимание здесь и отражение утраты конечного безударного нередуцированного гласного в *бѣ* из *бы* [НГБ XII: 57], и не книжное синтаксическое построение всей фразы с вынесением в начало высказывания Д. п. в качестве темы (*кос<ѣ> в<е>лик<ѣи>*) и последующим дублированием его с помощью лично-указательного местоимения *еи*, что характерно для конструкций введения темы («Местоимение *еи*, как это нередко бывает в народных текстах, дублирует этот дательный падеж» [Там же: 58]). При этом перед нами та же самая конструкция со «значени<ем>» ‘следовало бы такому-то сделать то-то’, ‘суметь бы такому-то сделать то-то’», которая встречается в Киевской летописи и других памятниках, — А. А. Зализняк приводит соответствующие параллели [Там же: 57].

Еще один пример той же конструкции, но с эллипсисом инфинитива, представлен в грамоте № 1229 XII в. — письме недавно потерявшей мужа женщины (Перешки) другу дома (?):

ТОБѢ БЫ НЫНѢ К МНѢ (№ 1229, XII в. ‘тебе бы нынче [прийти] ко мне’ [Гиппиус 2025: 33–34]).

В приведенном контексте носителем оптативного значения выступает *бы* без -л-формы, «(что является древней чертой, ср. *ажѣ бы ти годьн<о>* в № 752), но отсутствует и эксплицитно выраженная инфинитивная часть сказуемого» [Там же: 37]. Синтаксис этого текста явно книжный, ср. мощную синтаксическую компрессию заключительной части грамоты [Там же].

Как мы видим, простая форма сослагательного наклонения глагола *быти* была известна живому древнерусскому языку и в составе конструкции с инфинитивом — как и в прочих случаях ее употребления, с самого раннего времени. При этом простое *бы* в инфинитивных сочетаниях определенно не может восходить к индикативным употреблением прошедших времен глагола *быти* — плюсквамперфекту или даже собственно аористу в составе условной конструкции; перед нами здесь несомненно оптативное значение формы, по всей видимости, очень древнее. Та же простая форма сослагательного наклонения бытийного глагола выступает и вне инфинитивных сочетаний, хотя уже в древнерусскую эпоху она активно вытесняется новой сложной формой типа *бы былъ*.

Данные ранних древнерусских летописных и бытовых текстов показывают, что простое сослагательное наклонение глагола *быти* — аорист этого глагола в значении сослагательного наклонения (условном и оптативном) — было известно древнерусскому языку, причем в менее книжных текстах употребление таких форм оказывается несколько более свободным, не зависящим от устойчивого контекста и позиции после начального союза. Конкурирующие с ними еще в старославянских текстах сложные формы сослагательного наклонения того же глагола *быти* (в старославянском и в книжной традиции, видимо, более частотные, чем простые, — см. [Вайан 1952: 282], ср. выше данные «Жития Андрея Юродивого» и исследованных летописей) в оригинальных древнерусских памятниках обнаруживают тенденцию к употреблению в определенном синтаксическом контексте — в зависимых предложениях после союзов *а*, *да* и др., где оказавшееся после проклитики энклитическое *бы* (*быша* и под.) тяготеет к слиянию с предшествующим союзом в единый комплекс; возможно, именно это сращение и утрата аористой формой своей самостоятельности были благоприятным обстоятельством, способствовавшим использованию сложной формы типа *бы былъ*. Подчеркнем при этом, что указанная закономерность фиксирует-

ся именно как тенденция — простые формы в таких контекстах тоже возможны, однако вне этих условий они употребляются свободнее сложных. Приведенные данные говорят скорее в пользу вторичности сложной формы сослагательного наклонения глагола *быти* по отношению к форме простой, не включающей причастие на -л-. Наиболее вероятно, что простые формы типа *быхъ*, *бы* в значении ‘был бы’ представляют собой праславянский архаизм, причем очень неплохо сохранившийся в древнерусском языке, как свидетельствуют данные наиболее близких к книжному языку древнерусских текстов. Обратим внимание, что в ситуации, когда сам аорист как простое прошедшее время живым восточнославянским употреблением утрачивался или уже был утрачен (XII в.) (см., например, [Зализняк 2004: 174]), формы типа *быхъ*, *бы*, *быховѣ*, *быша* (изменяемые по лицам и числам!) в функции сослагательного наклонения продолжали употребляться. Эти формы явно от аориста оторваны, для древнерусского языка XII в. это сослагательное наклонение.

Вопрос о развитии аориста глагола *быти* в ирреальное (сослагательное) наклонение оставляет очень много неясностей, однако с учетом данных древнерусских текстов наиболее вероятной, как кажется, все-таки остается восходящая к А. Мейе и А. Вайану «классическая» гипотеза о развитии формы типа *бимь*, *би* из и.-е. опатива и последующей контаминации этих форм на славянской почве (в силу их формального сходства и большей частотности последних?) с формами типа *быхъ*, *бы* ([Мейе 1951: 214] и др.), ср. колебания форм типа *би/бы* в старославянских текстах и наличие только вторых в восточнославянских. Трактовка изолированных форм сослагательного наклонения типа *быхъ*, *бы* как вторичных по отношению к сложным типа *бы былъ* (см. [Потебня 1888: 269] и др.) или интерпретация их вне связи со старым опативом типа *би*, принимая во внимание данные ранних древнерусских текстов, представляется гораздо менее вероятной.

Источники и литература

- Булаховский 1950 — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.
- Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Гиппиус 2021 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 66–92.
- Гиппиус 2025 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. I. Великий Новгород, Троицкий раскоп // Вопросы языкознания. 2025. № 4. С. 7–41.
- Добрушина 2014 — Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2014. URL: <http://rus.gram.ru>

- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого по старшим спискам РГАДА, Тип.182 и РНБ, Сол. 216/216 // [Молдован 2000].
- Зайцева 2025 — У. С. Зайцева. Ирреальные наклонения в Суздальской летописи XII–XIII вв. Курсовая работа. М.: МГУ, 2025.
- Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., доп. М., 2004.
- Зализняк 2004а — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку // Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Легоцкая 2004 — Л. А. Легоцкая. Формы сослагательного наклонения в древнерусских памятниках старшего периода. Дипломная работа. М.: МГУ, 2004.
- Мейе 1951 — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
- Молдован 1996 — А. М. Молдован. Из синтаксиса древнерусского перевода «Жития Андрея Юродивого» // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 256–275.
- Молдован 2000 — А. М. Молдован. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- НГБ XII — Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.
- ПВЛ — Повесть временных лет // [Лавр.; Ипат.].
- Пичхадзе 2010 — А. А. Пичхадзе. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.
- Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Харьков, 1888.
- Сичинава 2004 — Д. В. Сичинава. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292–312.
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

- Сичинава 2021 — Д. В. Сичинава. Древнерусские индикативные формы со вспомогательным *быхъ*: к интерпретации и списку примеров // *Sub specie aeternitatis*: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М., 2021. С. 244–253.
- СкБГ — Сказание о Борисе и Глебе по списку Успенского сборника XII–XIII вв. // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- СЛ — Суздальская летопись XII–XIII вв. по Лаврентьевскому списку [Лавр.: 287–489].
- Соболевский 1907/2004 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 2004.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. СПб., 1998. С. 7–128.
- Шевелева 2001 — М. Н. Шевелева. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 199–226.
- Юрьева 2022 — И. С. Юрьева. Общий текст Киевской и Суздальской летописей. М., 2022.